
Надо бы причалить
по своим следам
к пристани печали
и остановиться там.

Выспаться в теплице,
позабыв пока
про морковь в петлице
стихопиджака.

Выпивку забросить
(тихо, не вори!),
бросить папирозы,
отрубить IP.

Девам не в обиду –
снова и опять –
лебедей либидо
всех перестрелять.

С совестью советской
слушать сердца гимн
и по койкам светским
не бродить нагим.

Да, пристать канатом
к пристани судьбы
надо бы, бы надо,
надонадобы...

Вновь лошадь крапчатой бумаги
словесным кормится овсом.
И в гугле мрачном, как в ГУЛАГе,
томятся ссылочки на всё.

По легкой логике песчинки
поэт, как пасечник у сот,
пытается строкою счистить
мёд неизведанных высот.

Стихают шёпоты и крики,
и он уходит налегке
туда, где столики, столики,
мерцают в вечном кабаке.

И вот – любое измененье
форм дословесного литья
меняет напрочь измеренье
придирчивого бытия.

Стихи взлетают в небо птицей
и можно – драя облака –
похвастаться и спохватиться,
что нечем хвастаться пока.

Не зря я прожил, зря
не в корень – только в крону,
но не играл в царя,
не примерял корону.

По вектору ветров
ворочаясь, наверно,
я слово «Комаров»
определял неверно.

Но часть была чиста
и выдавала строчку,
что хоть и не часта –
но может в одиночку.

И вызывая вновь
звук гулкий, архаичный,
я вписывал любовь
в разряд иерархичный.

Пропал – уже не пан –
набычен и обидчив –
ведь зреет автобан
с обочины обычно.

Не зря я жил и шил,
и ткань мне салютует.
А нек-рые стиши
и смерть не залитует!

Одинокая пора
сохраненья мест.
Камеры на комара
траурный наезд.

Застарелая капель,
кабель волокна
и потрепанный кобель
в луже у окна.

Крыша, выдавшая течь,
сталь усталая.
И на фоне фени – речь
кислая моя.

В небе самолёт парит
Екб–Париж.

Ничего не говори.
И не говоришь.